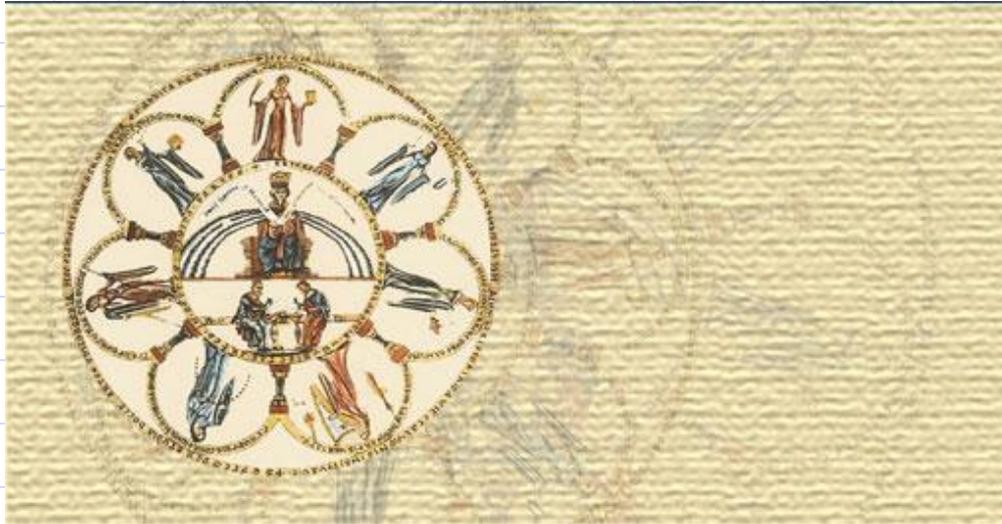

Афанасий Фет. (1820-1892)

Тайна и трагедия судьбы поэта

ПРЕЗЕНТАЦИЯ ВЫПОЛНЕНА УЧИТЕЛЕМ РУССКОГО ЯЗЫКА
И ЛИТЕРАТУРЫ О. В. ОВЧИННИКОВОЙ

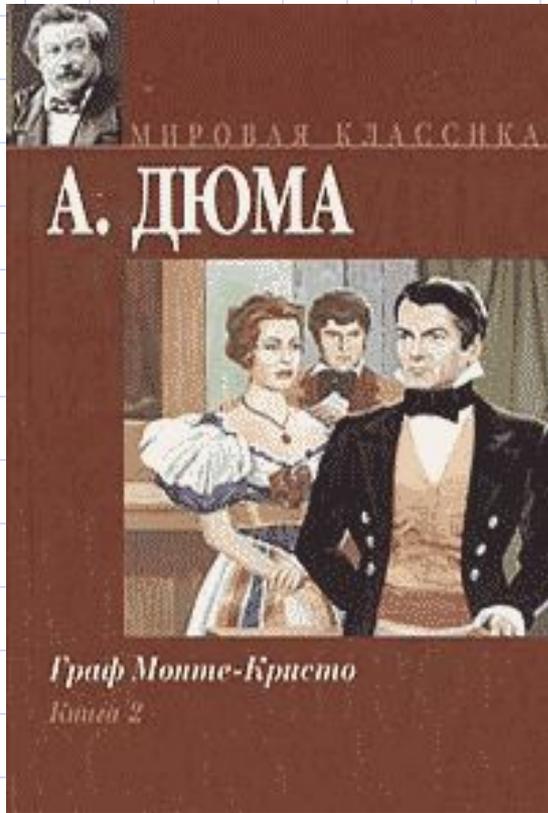

А. А. Фет

***Я знал одной лишь
думы власть,
Одну, но пламенную
страсть:
Она, как червь, во мне
жила.
Изгрызла душу и
сожгла...
М. Лермонтов
«Мцыри»***

Афанасий Фет –
великий русский
лирик. Его
творчество широко
известно как
любителям поэзии,
так и романсов,
написанных на его
СТИХИ.

В его судьбе сплелось столько невероятного и трагического, что, пожалуй, хватило бы не на одного человека и могло бы стать сюжетом для создания, например, Александром Дюма еще одного романа в духе графа Монте-Кристо.

Некоторые
стечения
обстоятельств
наложили
трагический
отпечаток на
всю жизнь
А. Фета.

МОЙРА – БОГИНЯ РОКА, СУДЬБЫ

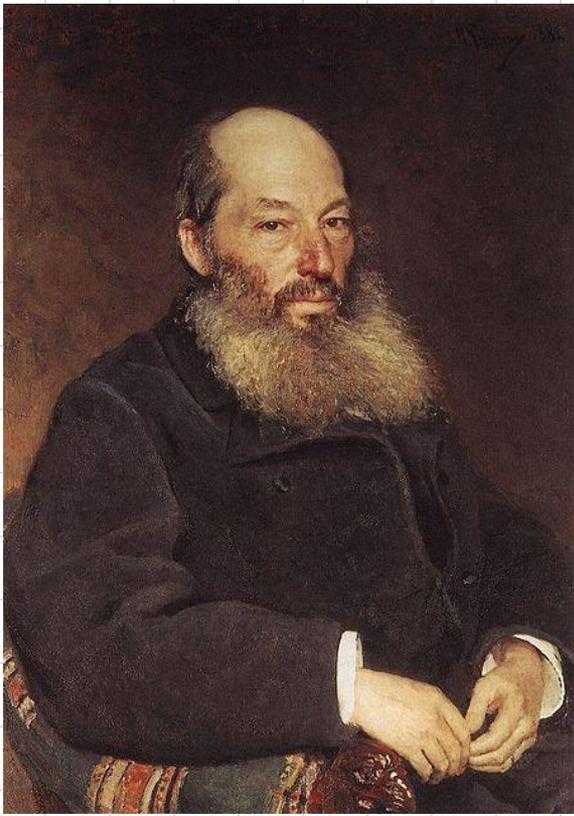

Некрасов Николай Алексеевич (1821-1877)

Поэзия Фета является одной из вершин русской лирики, но современники поэта оценивали его поэзию далеко не так высоко, как мы. Из корифеев российской словесности только Некрасов в полной мере ценил его талант, сказав, что **“Фет в ...области поэзии такой же господин, как Пушкин в своей...”**

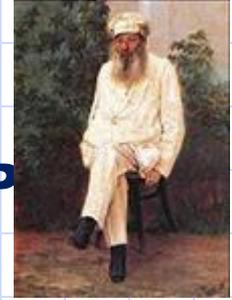

Литературная
карьера Фету далась
тяжко. Вышедшее в
1863 г. собрание его
стихотворений,
подводившее итог
первых двух
десятилетий его
литературной
деятельности, не
разошлось до самой
его смерти.

Свой последний сборник семидесятилетний поэт выпустил в шестистах экземплярах – тираж для маститого поэта крайне мизерный даже для того времени. Но это было лишь одно звено в цепи многочисленных неудач и невзгод, преследовавших его с первых лет жизни.

Я знал одной лишь думы власть

Почти всю свою сознательную жизнь великий лирик посвятил борьбе за право носить другую фамилию – Шеншин, фамилию своего отца. Хотя был ли в действительности тот его отцом, неизвестно.

Уже само рождение Фета произошло при обстоятельствах, грозивших ему большими бедами, которые затем и начали обрушиваться на него.

Никто не может с определенностью сказать, какова точная дата его рождения, и кто был его настоящим отцом.

Точно известно только, что Фет был сыном Шарлотты-Елизаветы Фёт (Foeth), жены дармштадского чиновника Иоганна-Петера-Карла-Вильгельма Фёта.

Но родился будущий поэт не в Германии, а в России, в Орловской губернии, в имении Новоселки, принадлежавшем богатому помещику Афанасию Неофитовичу Шеншину.

Младенец был окрещен в православную веру, наречен Афанасием и записан в метрическую книгу законным сыном неженатого в тот момент Шеншина.

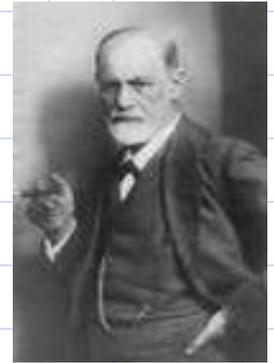
О матери А. Фета...

Девочку, красавицу-еврейку, выкупил в Кёнигсберге у отца-корчмаря вдовый Карл Беккер, мечтавший о дочке и удочеривший ее. Через несколько лет в нее влюбился И. Фёт, вхожий в семью своего начальника К. Беккера.

Беккер, не чаявший души в юной падчерице, поставил условие: жить они будут в его доме. Обвенчавшись с Шарлоттой, И. Фёт стал отцом ее первого и второго (т. е. будущего поэта) детей.

ВЕРСИИ... ВЫКУП?... ПОБЕГ?...

Но появившийся затем Шеншин тоже «положил глаз» на красавицу Шарлотту и, то ли выкупил ее, но теперь уже у И. Фёта, то ли в действительности ее, беременную, просто умыкнул.

Шарлотта кроме красоты обладала неординарным взрывчатым характером и была склонна к импульсивным поступкам, что производило неотразимое впечатление на мужчин, знавших ее.

РЕШЕНИЕ ШАРЛОТТЫ

Не стал исключением и ротмистр Афанасий Шеншин. Его рассказы о далекой заснеженной России так поразили Шарлотту, которой было тесно в затхлом мирке дармштадских чиновников, что решение уехать с Шеншиным пришло к ней мгновенно.

НАЧАЛО БОЛЕЗНИ МАТЕРИ

Эти черты её характера, как оказалось впоследствии, были в какой-то мере следствием зачатков психической болезни, приведшей к многочисленным трагедиям...

ОБЪЯСНЕНИЕ СВОЕГО РОЖДЕНИЯ...

Фет всегда старался отмолчаться от рокового вопроса и «тщательно избегал его, замечая его приближение», а когда это не удавалось, «вынужден был прибегать ко лжи», «чтобы не набрасывать...неблагоприятной тени» на свою мать. Так, в объяснение своего рождения в Новоселках он выдумывал, «что ее первый муж Фёт вывез ее в Россию, где и умер скоропостижно»

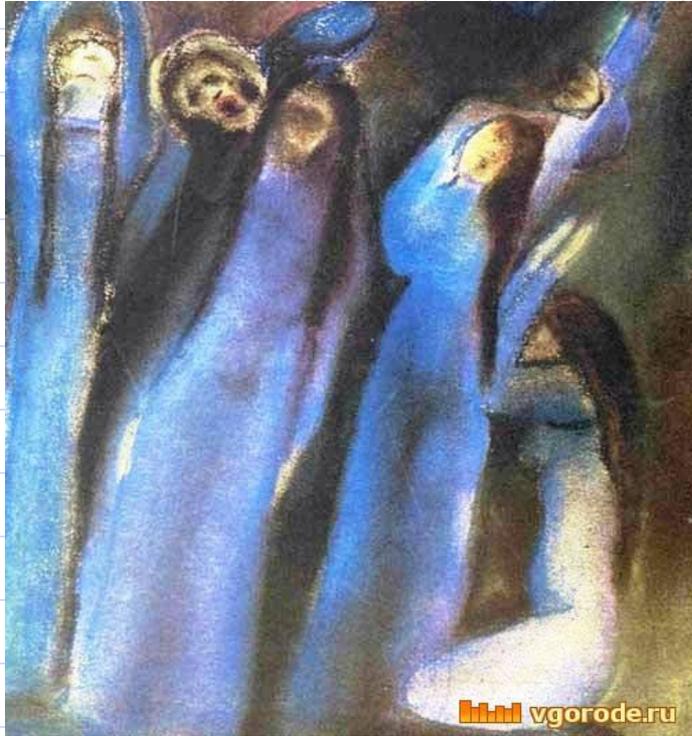
Приезды в Новоселки сталкивали Фета и с новой бедой. Мать была тяжело больна, ей становилось все хуже и хуже, и вскоре после окончания Фетом университета она умерла.

Чем она болела –
из мемуаров Фета
не ясно, но в
Новоселках она
жила в особом
флигеле, где
всегда царила
ночь и куда даже
ее дети
допускались лишь
на несколько
минут.

Иллюзорная
авантюрная мечта
Шарлотты обрести счастье в
далекой стране рассыпалась
как карточный домик.
Огромные бесконечные
просторы России, мрачные
осенние, под морозящим
дождем поля и зимние
вьюги с воем волков,
бездорожье, - все это
крайне отрицательно
сказалось на ее
психическом состоянии.

Через двадцать лет после смерти матери ее судьбу повторила сестра Фета – Надежда, несколько раз сходявшая с ума и, в конце концов, впавшая в уже неизлечимое безумие.

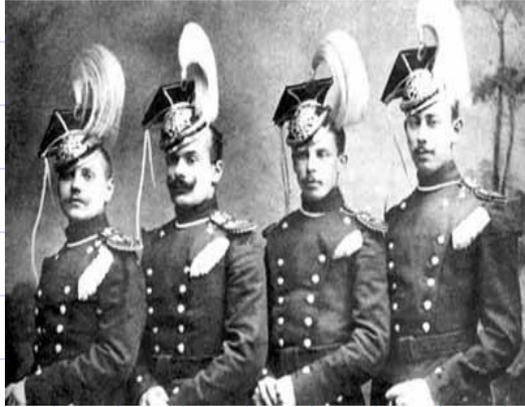
СТРАШНАЯ НАСЛЕДСТВЕННОСТЬ

Наследственный характер болезни стал несомненным, когда один за другим сошли с ума оба брата Фета. Впоследствии сошел с ума и сын сестры Фета Надежды. У старшей сестры Фета, Каролины к пожилым годам также проявились признаки умственного расстройства.

Того, что было пережито уже в первые два десятилетия его жизни, было достаточно, чтобы сформировать резко выраженные черты его характера и его отношения к миру. Черты скепсиса, неверия в людей, в добро и справедливость выделяли Фета из круга, в котором он вращался.

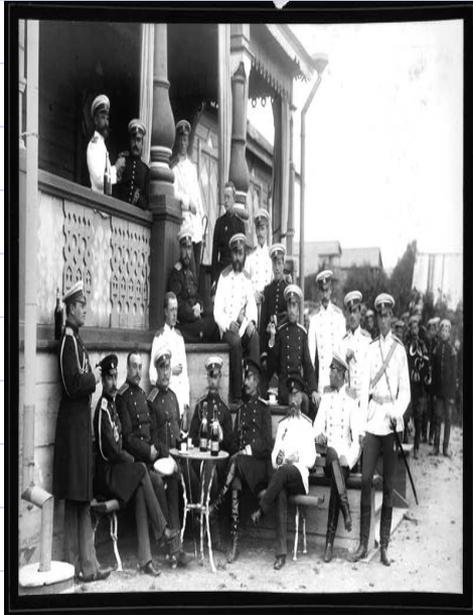

Желание дослужиться до дворянства побудило Фета поступить на военную службу. В 1845 г. он был принят в кирасирский полк; в 1853 г. перешел в уланский гвардейский полк. В крымскую компанию находился в составе войск, охранявших Эстляндское побережье; а в 1858 г. вышел в отставку, подобно своему отцу, штаб-ротмистром.

Дворянских прав Фету, однако, достигнуть тогда не удалось: необходимый для того ценз повышался по мере того, как Фет повышался по службе.

Целых 8 лет он барахтался в «грязной луже», терпел лишения и подлаживался под начальство.

А когда цель была близка, вышел указ, согласно которому для получения наследственных дворянских прав надо было иметь более высокое воинское звание.

АФАНАСИЙ И МАРИЯ

В личной жизни Фет пережил настоящую драму. Во время военной службы в Херсонской губернии поэт познакомился с Марией Лазич, девушкой энциклопедически начитанной, страстно любящей поэзию. Лазич была одарена глубоким и тонким поэтическим чувством. Оказалось, что она еще с ранней юности полюбила фетовские стихи, знала их все наизусть, была одаренной музыканткой, ее талант произвел впечатление даже на Ференца Листа, гастролировавшего тогда в России.

Ее отец – отставной генерал Козьма Лазич, обрусевший серб, вдовец, был человеком небогатым. Ко времени их знакомства (осень 1848 года) Фету было 28, а Марии – 24 года. Поэт описывает ее как «...**стройную брюнетку, которая выделялась среди других своим высоким ростом и природной грацией. Смуглая кожа, нежный румянец, необычайная роскошь черных, с сизым отливом волос.** Она не была ослепительной красавицей».

По-видимому, именно во время этого романа и написано Фетом знаменитое "Шепот, робкое дыханье..." О чем говорили Фет и Мария Лазич в минуты первых встреч?

В автобиографической поэме «Талисман» Фет подробно описал атмосферу их бесед:

**Мы говорили Бог знает о чем
Скучают ли они в своем именье,
О сельском лете, о весне, потом
О Шиллере, о музыке и пенье...**

Именно Марии Лазич посвящены такие великолепные и эмоционально мощные стихи, как "Неотразимый образ", "Старые письма", "В тиши и мраке таинственной ночи", "Ты отстрадала, я еще страдаю", "Долго снились мне вопли рыданий твоих", "Нет, я не изменил. До старости глубокой..." и другие...

Мария Лазич, как Беатриче для Данте или Лаура для Петрарки, стала единственной героиней фетовской любовной лирики. Год за годом, до самой смерти посвящал он ей созвездие своих прекрасных стихов.

Когда Фету было под семьдесят и, говоря его же словами, уже светили «вечерние огни», родилось это поэтическое признание:

**Нет, я не изменил. До старости глубокой
Я тот же преданный, я раб твоей любви,
И старый яд цепей, отрадный и жестокий,
Еще горит в моей крови.
Хоть память и твердит,
что между нас могила,
Хоть каждый день бреду
томительно к другой, –
Не в силах верить я,
чтоб ты меня забыла,
Когда ты здесь, передо мной.**

За короткой, как вздох, фамилией поэта скрывается тайна его рождения и происхождения, любви и загадочной гибели его возлюбленной, секрет неизменного чувства к Марии Лазич до последних дней жизни Афанасия Афанасиевича Фета.

Подала ты мне руку, спросила: «Идешь?»...
Чуть в глазах я заметил две капельки слез;
Эти искры в глазах и холодную дрожь
Я в бессонные ночи навек перенес.

А молодому Фету более всего хотелось получить приданое, чтобы поправить свое материальное положение. Поэт писал своему другу И. П. Борисову: **«Я встретил существо, которое люблю и, что еще, глубоко уважаю... Возможность для меня счастья и примирения с гадкой действительностью... Но у ней ничего и у меня ничего – вот тема, которую я развиваю и вследствие которой я ни с места...».**

Поэтому их любовь, эта «сласть грез», закончилась трагически. Последняя встреча Фета и Марии произошла в Федоровке в мае 1851 года.

Мария Лазич была девушкой высоких страстей и максималистских требований. Посчитав, что жить без любимого человека не имеет смысла, она ушла из жизни. Конец ее был ужасный:

от брошенной спички загорелось ее кисейное платье. Пламя сбили, но ожоги были так сильны, что спасти Марию не удалось.

Она скончалась на четвертые сутки в страшных мучениях, повторяя: «Он не виноват...».

Фет страстно любил Марию Лазич, и смерть ее стала для него страшным ударом, оправиться от которого ему так и не удалось до конца своих дней. Ведь Мария была не только единственной любовью всей его жизни, она страстно верила в его поэтическую звезду и убеждала писать стихи.

Уже на склоне лет, в 1878 году, в стихотворении «Alter ego» («**Второе Я**») прозвучало запоздалое признание Фета и осознание той роли, которую Мария Лазич сыграла в его жизни:

**Ты душою младенческой все
поняла,
Что мне высказать тайная сила
дана,
И хоть жизнь без тебя суждено
мне влачить,
Но мы вместе с тобой, нас нельзя
разлучить...**

В 1856 году вышел указ, согласно которому звание дворянина теперь давал лишь чин полковника.

У 37-летнего Фета оставался только один выход - жениться на богатой девушке.

После выхода
нового указа поэт
взял в полку
годовой отпуск и
на деньги,
полученные за
свои
произведения,
отправился в
путешествие по
Европе.

В 1857 году в Париже он женился, и весьма выгодно, на дочери состоятельного московского торговца чаем Марии Петровне Боткиной, сестре литературного критика В.П. Боткина. Она была немолода и некрасива, но общий язык супруги нашли. Он получил деньги, она – возможность за ним ухаживать, быть его нянькой.

Полученные от женитьбы средства Фет употребил с пользой, став преуспевающим помещиком. В 1860 г. он в Мценском уезде покупает хутор Степановку с 200 десятинами земли и энергично принимается хозяйничать, живя там безвыездно и лишь зимой наезжая ненадолго в Москву.

Он не только привел
купленное им
запущенное село в
надлежащий вид, но
и приобрел мельницу
и конный завод.

Хозяином Фет оказался
превосходным...

Под конец жизни состояние Фета
дошло до величины, которую можно
назвать богатством. Соседи-помещики
относились к Фету с уважением, хотя
некоторые осуждали его за
жесткость: в общении со своими
крестьянами он не чурался даже
рукоприкладства, наказывая их за
малейшую провинность.

**Столь высокое положение в
обществе открыло Фету
возможность вплотную
приблизиться к наиглавнейшей
цели жизни – вернуть утраченную
фамилию и свое право на
наследство.**

Все эти годы Фет уже давно и твердо знал, что он не только формально перестал считаться сыном Шеншина, но и вообще им не являлся. Тем не менее, в 1873 году поэт обратился с просьбой на высочайшее имя о восстановлении в сыновних и всех связанных с этим правах.

И, наконец, после 40 лет душевных мучений и настойчивых усилий обрести положенное ему по рождению дворянское звание, Фет достиг своей цели. В конце декабря 1873 года вышел царский указ **«о присоединении отставного гвардии штабс-ротмистра Афанасия Афанасиевича Фета к роду отца его Шеншина со всеми правами, званию и роду его принадлежащими».**

В появлении царского указа
многому способствовал

**Великий князь Константин
Романов, сам известный
литератор и давний
поклонник лирики Фета.
Победа? Конечно, победа!**

Впрочем, император
Александр II сказал по
этому поводу: «Зачем ему
это камергерство?
Камергеров у нас целые
тысячи, и никто их даже не
знает, а поэт Фет
единственный в России».

Вот как поэт писал своей жене об охвативших его в тот момент чувствах: «Теперь, когда все, слава богу, кончено, ты представить себе не можешь, до какой степени мне ненавистно имя Фет. Умоляю тебя, никогда его мне не писать, если не хочешь мне опротиветь. **Если спросить, как называются все страдания, все горести моей жизни Я отвечу тогда - имя Фет».**

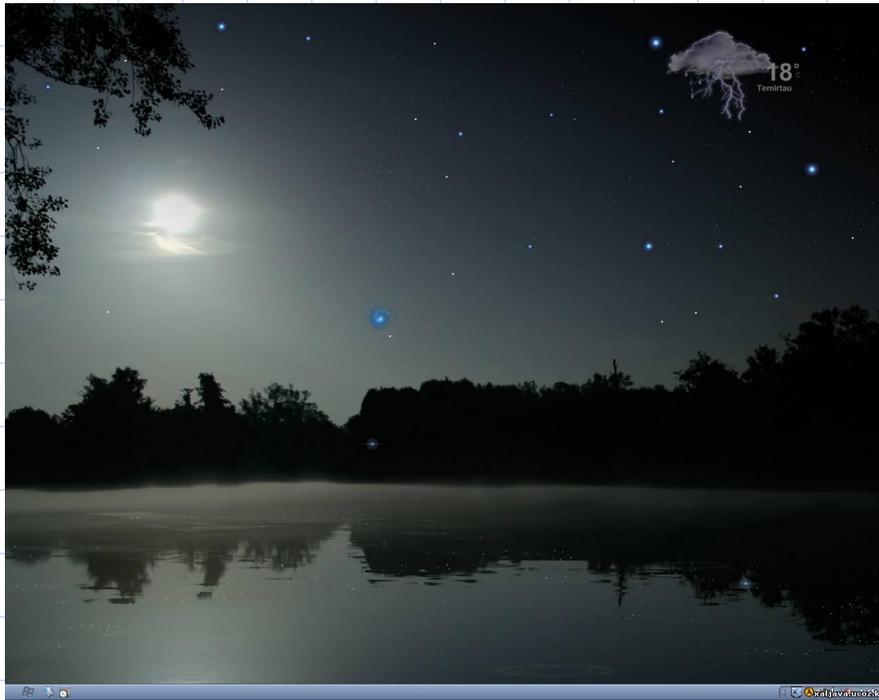

Идея-страсть, во власти которой Фет жил четыре десятка лет, вынуждала его, как он писал в своих воспоминаниях, «принести на трезвый алтарь жизни самые задушевные стремления и чувства». Другими словами, трудный жизненный путь и безнадежно-мрачный взгляд на жизнь и на людей отягчили его тонкую поэтическую душу, ожесточили его характер, заставив со временем эгоистически замкнуться в себе.

«Я никогда не слышала от Фета, чтобы он интересовался чужим внутренним миром, не видела, чтобы его задели чужие интересы. Я никогда не замечала в нем проявления участия к другому и желания узнать, что думает и чувствует чужая душа», – писала о поэте сестра жены Льва Толстого Т.А. Кузминская – женщина, которой Фет посвятил одно из своих самых прославленных творений – стихотворение **«Сияла ночь. Луной был полон сад...».**

Но резкое различие между жестким, корыстолюбивым, тщеславным и пессимистичным Фетом, каким его знали окружающие, и его лирически-проникновенными стихами удивляло многих.

«Что ты за существо – не понимаю, – писал Фету Яков Полонский. – Откуда у тебя берутся такие елейно-чистые, такие возвышенно-идеальные, такие юношественно-благоговейные стихотворения.. Какой Шопенгауэр да и вообще какая философия объяснит тебе происхождение или тот психический процесс такого лирического настроения. Если ты мне этого не объяснишь, то я заподозрю, что внутри тебя сидит другой, никому не ведомый и нам, грешным, невидимый человек, окруженный сиянием, с глазами из лазури и звезд и окрыленный! Ты состарился, а он молод! Ты все отрицаешь, а он верит!.. Ты презираешь жизнь, а он, коленопреклоненный, зарыдать готов перед одним из ее воплощений...»

Я.П. Полонский прекрасно сформулировал противостояние двух миров – мира Фета-помещика, его мировоззрения, его житейской практики - и мира божественной лирики, которая по отношению к тому, первому, была, скорее, антимиром. Как для современников Фета, так и для нас внутренний мир поэта и помещика остался тайной за семью печатями.